

Ана Асная

**АКАДЕМИЯ СЕМИ ВЕТРОВ
СПАСТИ ДРАКОНА**

18+

Академия семи ветров

Яна Ясная

**Академия семи ветров.
Спасти дракона**

«Яна Ясная»

2018

Ясная Я.

Академия семи ветров. Спасти дракона / Я. Ясная — «Яна Ясная», 2018 — (Академия семи ветров)

Тереса Ривад никогда не думала, что ей, наследнице древнего магического рода, обучающейся магии с пеленок, придется искать убежище и пристанище в Академии семи ветров. Ректор Эйнар никогда не думал, что окажется обязанным жизнью юной адептке с призраками тайн за плечами. И этих двоих могло бы ничего не связывать, кроме случайных встреч в коридорах, если бы вышеупомянутой адептке не приспичило взвалить на себя непосильную ношу - спасти дракона! Для обложки использованы изображения со стока ріхавау. Книга также вышла под другим названием: «Дракон: спасти и соблазнить!».

© Ясная Я., 2018

© Яна Ясная, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Яна Ясная

Академия семи ветров. Спасти дракона

Пролог

Род Ривад пресекался.

Стоя над телом старой Альбы, я прощалась со своим родом. Пока она была жива – еще был шанс все исправить, бабка была сильна и хитра, и за ее плечами был опыт долгой непростой жизни, она бы обязательно что-нибудь придумала – если бы была жива. Но старое сердце не выдержало вестей о смерти двух последних внуков, последних отпрысков Ривад мужского пола, и старая Альба – Альба Грозная, Альба Яростная – нынче легла в каменный гроб в родовом склепе.

Темный магический род Ривад вымирал уже давно – лет двадцать смерти шли за нами по пятам. Мы скрывали это – уж что-что, а скрывать смерть мы умели! Мы вообще умели скрыть что угодно, и в реестре Темных Родов древней Империи – еще той, павшей – род Ривад имел имя «Молчашие». И только глупцы не могли бы понять, что на самом деле это означало «Хранящие Тайны».

Члены рода умирали, гибли один за одним – и над могильной плитой каждого из них, не оставивших потомства, почивших до времени, старая Альба зажигала фонарик. Фиолетовое стекло пузыря размером с детский кулачек, черный фитиль, и оплетка из чар, глядящихся черненным серебром. Могильные фонарики, мастерством старой Альбы зажженные над покойным в нужный срок, скрывали очередную смерть – и защищали оставшихся в живых от излишне алчных охотников за наживой. За родовым наследием. За силой. За знаниями, артефактами, за презренным желтым металлом...

За всем тем, что теперь стало моим приданным.

Мы всегда считались нелюдимыми отшельниками, мрачные некромансеры, «не до богов, не до людей».

Наши старшие извелись, проверяя весь род и отдельные потери на проклятия, на злой умысел, на дурной глаз – и ничего не нашли, будто просто-напросто темные боги отвернулись от рода.

Последние три года стали самыми страшными. Один за другим ушли остатки родичей – от разных, непредсказуемых, не связанных друг с другом причин. Магушка моя, Каталина Светлая и самый младший из братьев, Аарон, погибли от серой гнили, привезенной из города. Ирония судьбы – сильная магичка, умелая целительница, Каталина Ривад, выбравшаяся по случаю на ярмарку, остановила магическую заразу, насланную безумцем на беззащитных горожан – а себя и пятилетнего сына спасти не смогла. Они сгорели за неделю, и старая Альба зажгла в родовом склепе сразу два фиолетовых огонька – над младшим внуком и старшей невесткой...

А вчера погасли свечи, которые были зажжены, когда старшие братья, Кеит Легконогий и Белтрэн Крылатый, покинули родной дом и отправились за дальние земли, за синие моря.

Этой вести не снесла старая Альба – и от Ривад осталась одна я. И сейчас стоя над каменной гробницей с телом своей бабушки, и над пустыми пока гробницами старших братьев, я думала о том, что я жива – но род мертв.

Из женской ветви род не поднять.

Я собралась. Отогнала мысли, роем гудящие вокруг меня – темные, жалящие мысли – и потянулась к родовой силе.

Склеп рода Ривад, в незапамятные времена устроенный в подземельях под пришедшим в запустенье замком, слышал этот шепот сотни и сотни раз. И, как и раньше, ныне от него колыхнулись язычки свеч, дрогнуло пламя в ритуальных жаровнях, затрещал и вытянулся вверх дымными нитями огонь факелов, запах тлена и горящего масла вдруг сделался острым, а в углах и у основания колонн-подпорок стустились тени. Стустились, потянулись ко мне когтистыми тварями, свирепыми безглазыми мордами – и отделились от тьмы, породившей их. И легли, вскидывая острые морды, поводя короткими ушами, ожидая слова моего. Моей воли.

Сторожа мою слабость – и не спеша никуда, зная, что я и так их законная добыча.

Приказ вырвался с выдохом, завихрениями воздуха в затхлом спокойствии склепа, встревожил складки длинного ритуального балахона.

«Найти. Вернуть.»

Теневые гончие, похожие на собак так же, как упырь походит на комара, неутомимые, верные, жуткие слуги темных магов, услышали слово и подчинились воле. Они вернут тела моих братьев домой, где бы те не находились, как бы ни были сокрыты.

Для погребального обряда достанет и небольшой кости, фаланги или плюсны – но гончие упорны и верны. Они возвратят домой столько, сколько смогут...

Из склепа я вышла только через двое суток, сотворив всё задуманное – в конце концов, я уходила из дома надолго, и если родовые земли были как следует защищены многовековыми чарами, которым достаточно и того, что я жива и не отказалась от наследия, то о прочих семейных сокровищах следовало позаботиться. Чтобы не пришлось возвращаться к разграбленной сокровищнице – если, конечно, придется возвращаться...

Дорога моя лежала из родных земель в далекий приморский город Тилбери, где стояла на утесе над морем Академия семи ветров, а сумку, перекинутую через плечо, оттягивала увесистая ноша – в конце концов, что не дозволено мародерам, на то имеет право прямая наследница и законная глава рода – пусть пока и не вступившая из соображений конспирации в оные законные права...

Глава 1

Я сидела на крыше уже второй час. Передо мной – море, синева, испещренная солнечными бликами, крики чаек, доносимый ветрами шум волн, разбивающихся о скалы. За моей спиной – вид на Тилбери, красные черепичные крыши, плавно переходящие в соломенные на окраинах, струйки дыма и, к счастью, не долетающий досюда невыводимый запах рыбы. Надо мной – бесконечно прозрачное небо.

Солнце на мгновение потухло, но тут же зажглось снова, а пролетевший над головой черный дракон, сделал круг над башнями и, громко хлопая крыльями, опустился на одну из них. Спустя мгновение его фигура замерцала и стремительно уменьшилась, принимая человеческую форму. Преподаватель повел плечами, будто вспоминал, как работает это тело, и направился к лестнице, ведущей вниз, в замок.

Академию семи ветров не зря называли Академией Крылатых. Здесь правили бал драконы. Именно они основали здесь тогда еще школу, тысячу лет назад. Вокруг нее потом вырос портовый городок, а сама школа превратилась в академию. Именно они преподавали здесь, передавая юным человеческим магам свои многовековые знания и умения. И отчасти поэтому мой выбор пал именно на это учебное заведение. Мне не было дела до драконьих знаний. Точно так же, как драконам не было дела до мелких человеческих дрызг. Впрочем, им и крупные были интересны исключительно с точки зрения «а можно ли тут пожить или хотя бы повеселиться?».

Вот поэтому теперь я сидела на крыше основного здания академии, презрев смотровые площадки всех семи башен, на которых вечно кто-нибудь был, и в гордом одиночестве наслаждалась неумолимо грядущим закатом и одним из семи ветров, которые дали название академии. Ветров, конечно, гораздо больше – «семь» это просто метафора. И магический символ. Сейчас, к примеру, за темные косы меня трепал бриз. Я улыбнулась, заправляя за уши выбившиеся из плетения пряди, и подставила лицо еще пока ярким солнечным лучам.

В целом, решение прийти сюда было правильным. Я рада, что додумалась до этого. Рада, что успела добраться до Тилбери до того, как закончился отбор адептов для первого витка обучения. Рада, что прошла его – да, могла и не пройти. Теперь смешно, а тогда, когда приемная комиссия попросила меня доказать, достойна ли я права обучаться в сих стенах, я опешила.

Это я-то не достойна? Да я!.. Да мне!.. И чуть не провалилась: пытаюсь не открыть излишне много – показала слишком мало. Но все же прошла отбор, и прочно обосновалась за бурыми каменными стенами, изъеденными солеными морскими ветрами.

Люди, обитающие здесь, первое время на меня косились. Я – черноволосая, темноглазая и смуглая – была им непривычна. Мне же непривычно было пестроцветье одежды, терзало отсутствие привычного, родного и такого удобного темного балахона. Раздражали слишком свободные юбки и излишне узкие корсажи поверх блузок. Раздражал вынужденный отказ от привычных в повседневности чар и необходимость скрывать, прятать свою магию...

И даже самой себе с большим трудом я призналась, что, обводя взглядом скопление людей, и натываясь на сплошь светлые макушки разных оттенков с редким вкраплением рыжих вихров, я, забывшись, испытывала острый укол недоумения.

Но ничего, притерпелись и свыклись. Местные – с моей мрачной физиономией, я – с их численным преимуществом.

Нельзя сказать, чтобы меня здесь обижали. Правда, после третьей ночи из моей комнаты сбежала соседка – но так я разве обиделась? Вовсе нет, вздохнула с облегчением и, сдвинув их вместе, заняла обе кровати.

Отдельной приятной неожиданностью стали термы. Их устроили в подвальных залах замка драконы, большие любители погреться, еще когда обустраивали академию. Термальные

источники магией вывели на вершину горы, создали каскад бассейнов разных размеров и температур, от почти кипящих, до еле теплых, от приятно прохладных до почти ледяных, разделили залы, обустроили купальни...

Нет, в академии было не так уж плохо!

Если бы не тоскливые занятия – было бы совсем хорошо.

А так...

Про темную магию мне судить трудно – я пользуюсь ей, как дышу, но моя мать, Каталина Ривад, урожденная Солер, вышла из светлого рода. Она обучала детей кое-каким трюкам, понимающе улыбаясь, когда светлая магия им категорически не давалась – и я искренне считала, что усвоила до изумления мало, но по сравнению с тем, чему меня учили – путались учить! – на занятиях, это была прорва знаний. Бездна просто.

Я была готова, что меня ткнут носом в полную несостоятельность по части Света, а они... Они учили меня общей магии!

Общей!

Взрослых людей!

Как младенцев!

От изумления, разочарования и протеста я на первом же занятии расколотила чашку, в которой следовало подогреть воду. И вторую.

Выдавая мне третью и наливая в нее воду, наставник-дракон с волосами, отливающими прозеленью, выговорил мне, что в Академию семи ветров принимают более-менее обученных студентов, и меня взяли только из-за высокого потенциала Тьмы, но долго только на нем я выезжать не смогу, и, если не хочу быть отчисленной, должна наверстать чудовищное отставание.

С трудом расцепив зубы, сведенные от абсурдности ситуации, я пообещала, что наверстаю. Всенепременно. Вот как начну – и пока не закончу, не встану.

И даже сказала это вежливыми словами.

А на задворках сознания в это время мерзко хохотали дребезжащим старческим голосом.

Пр-р-редки!

Потом приноровилась и подобные казусы стали приключаться реже. В первые ученицы я не выбилась, но преподаватели хвалили меня за усердие и прилежание.

Тяжелее всего на уроках было не зевать. Но, сдастся мне, еще пара месяцев и я научусь дремать с открытыми глазами и выполнять нехитрые задачки учеников первого года, не просыпаясь.

Я вздохнула и оторвала юбку от насиженного места. Если практические самостоятельные занятия меня миновали, то теоретические работы никто не отменял, и нужно было подготовить на завтра доклад о видах стихийной магии и областях ее применения...

Основное здание было главным образом отведено под учебные аудитории, так что в его коридорах сейчас было пусто. Мне встретились только ректор с одним из пока незнакомых мне преподавателей. Я прошмыгнула мимо них серой мышкой, услышав лишь невнятные обрывки разговора, а потом за спиной раздались торопливые шаги, и дракон обогнал меня, не обратив внимания на короткий вежливый поклон в спину. Ректор направлялся к Красной башне, которую чаще всего драконы использовали в качестве взлетной площадки.

Ректора в академии любили, кажется, все. Он был спокоен, мудр, справедлив, а еще, поговаривали, любопытен, как мальчишка. И именно это – мальчишеская искра и любовь к жизни – притягивало к нему взгляды, а вовсе не бронзовая шевелюра или высокая, широкоплечая фигура. Впрочем, неугасаемый авантюризм и жажда новых впечатлений – неискоренимая черта всех драконов.

Старая Альба терпеть их не могла. По ее мнению, это племя гораздо было что рушить тщательно выстроенные планы, что девиц портить. Девыц портились охотно, и порой без усилий со стороны крылатых – за спокойную грозную силу, за щедрость, за тот самый мальчишеский блеск в глазах.

Я вздохнула. Наверняка, навстречу приключениям дракон и спешил, а я... а меня ждал скучнейший доклад.

* * *

Закончила я его далеко за полночь, но спать не хотелось, и, поразмыслив, я решила вознаградить себя походом в термы. Особенно прекрасным тем, что в такое время там почти наверняка не было ни души. Понежиться в горячей водичке перед сном – то, что надо.

В подвалах было пусто. Теплый, тропически влажный воздух оседал на коже невесомой водяной пылью, пахло сыростью и нагретыми камнями. Короткое заклинание-импульс сообщило, что здесь и правда в этот час никого нет. Я поудобнее перехватила полотенце и двинулась к дальним дверцам, из-за которых слабо тянуло магией источника. Привычно, как щеколду, откинула замок-заклинание с легким приступом ностальгии – мы таким двери дома запирали от сквозняка – вошла внутрь, повесила полотенце на крючок и уже потянулась к шнуровке, как внутри кольнуло странное ощущение – что-то не так. Мазнув взглядом по купальне, я с изумлением уставилась на наполовину вывалившееся из нее безвольное тело, лежащее на бортике лицом вниз.

Но... я же проверяла! Здесь не было ни живых, ни, упасите темные боги, мертвых!

Стрелой метнувшись к телу, я опустилась рядом на колени, с трудом, нагужно перевернула его и с изумлением уставилась на лицо ректора. Из-под полуприкрытых глаз тускло мерцала золотая радужка, но в ответ на прикосновение он даже не шелохнулся. Руки сами собой полезли щупать пульс, в то время как губы шептали заклинание диагностики.

Пульс, хоть и слабый, нашелся, а вот заклинание вернулось с неутешительными вестями. Сильнейшее магическое истощение и продолжающаяся потеря сил. Магический источник под купальней щедро вливал их в тело дракона и только благодаря этому он был еще жив, но жирный черный паук проклятия, оплетшего ректорскую грудь выкачивал энергию быстрее, чем она прибывала, и дракон... умирал. Медленнее, чем мог бы, но неотвратимо.

Драконы из-за своих способностей к гигантской трансформации куда менее зависимы от телесной оболочки. Они – магия. Маг с истощением будет испытывать дискомфорт, но его жизни это угрожать не будет, а вот дракон...

Эти мысли металась в черепной коробке, легкая паника смешивалась с обрывками теоретических знаний, порождая понимание того, что надо что-то делать и делать быстро!

...не удивительно, что мое заклинание его не обнаружило, ректор сейчас и был ни жив, ни мертв, зависнув на тонкой грани между...

Я попыталась, просто попыталась как-то дотронуться до проклятия, и тут же получила по рукам. От удара на руки онемели на несколько мгновений до самого локтя. Отдача пусть и отпустила почти сразу, но только потому, что я была предельно осторожна. Нет, с этим зверем мне не справиться. Не хватит опыта.

Бежать за помощью? Я могу просто не успеть. К тому же ночь, пока разыщу хоть кого-нибудь, пока разбужу, пока разыщут и разбудят того, кто разбирается в подобных вещах... на это нет времени. Я буквально чувствовала, как оно ручейками воды убегает из сложенных горсткой пальцев.

Вот что мне нужно. Время. И выиграть его можно довольно просто. Правда, это сметет напроць все мое инкогнито. Более однозначного способа сообщить ректору, что в его академии прячется беглая девица темного рода, пожалуй, и не придумаешь.

Я колебалась. Но недолго.

«Разделение силы» древний родовой обряд. Я использовала его много раз, щедро делясь своим резервом с братьями. Старшие гоняли нас одинаково, просто по женской линии его объем всегда был больше. Зато мне не давались филигранные атакующие чары, настолько стремительные, что остановить их было невозможно...

Я тряхнула головой, отгоняя воспоминания, собрав силенки, спихнула ректора еще больше в воду, придерживая на поверхности только голову, облепленную длинными, ставшими от влаги почти черными волосами с рыжим отливом. Вода – великолепный проводник так сила источника будет быстрее вливаться в тело.

С губ сорвались слова древнего языка, больше похожие на кладбищенское воронье карканье, и моя собственная сила полноводной рекой хлынула в тело дракона.

Ректор выгнулся дугой, едва полностью не уйдя под воду, распахнул глаза и закашлялся, как едва не задушенный человек. Проклятие сердито заворчалось и сильнее сдавило грудную клетку, заставив дракона замереть, стиснув в кулаке мокрую насквозь рубаху.

– Адептка... Давир? – изумленно произнес он, прислушался к себе и добавил с еще большим изумлением: – Это... вы?!

Ректор вел у учеников первого года основы ментальной магии и, судя по всему, на память не жаловался. А вопрос-уточнение касался отнюдь не моей личности, а того, что я только что сделала.

– Я, – потерять время на разговоры сейчас было бы глупо. – Моих сил надолго не хватит...

– Не больше получаса, – спокойно кивнул дракон. – И это если я продолжу принимать ванны.

– ...скажите, где мне найти того, кто может вам помочь? Я сейчас же...

– Нигде, – ректор провел по лицу, убирая с него волосы. – Алвиса нет в академии сегодня, а кроме него с подобным никто не справится.

– Тогда я позову кого-нибудь другого, и мы будем вливать в вас силу, пока наставник Алвис не вернется.

– Нет, – твердо произнес дракон. – Вам очень повезло, адептка Давир, что вы человек. Запомните на будущее, что не стоит лезть помогать умирающему от незнакомого проклятья. Если со мной попробует поделиться силой дракон, заклинание размножится.

Я смотрела на него и не верила тому, что он говорил – так спокойно и невозмутимо отметал варианты спасти собственную жизнь. Искать среди учеников того, кто может поделиться резервом, как я? Но это родовая магия, я не знала, есть ли общие заклинания подобного типа и кто в школе ими владеет. Раз ректор молчит, значит, тоже не знает...

Я думала, думала, думала, но каждая новая идея упиралась в ограничение в полчаса. Ректор молча смотрел на меня со своим неугасающим любопытством, чуть склонив голову на бок, как будто счет его жизни не шел на минуты.

И тут меня осенило.

– Вы дракон! – выдала я, просветлев лицом.

– Спасибо, я в курсе.

Я пропустила ироничное заявление мимо ушей.

Мозг лихорадочно просчитывал плюсы-минусы и перспективы. Родовой алтарь я из поместья не захватила (какая непредусмотрительность, право слово!) – это минус. Но подобный обряд в любом случае высвободит такое количество силы, что ее должно хватить на пару дней. К тому же рядом источник, пусть дикий, но достаточно мощный. Я, совершеннолетняя, глава рода, значит имею все права. Стоит ли оно того?..

Я покосилась на ректора... и выпалила:

– Я могу вам помочь. Но в обмен на защиту.

– Какую? – мягко спросил дракон, кажется, даже с умилением. Усиленная работа мысли на моем лице, очевидно, впечатления на него не произвела и всерьез он меня не воспринимал. Ну, ему же хуже.

– Вы не будете задавать вопросы. Вы не выдадите меня тем, кто будет их задавать. Поможете, если я единожды попрошу о помощи.

– Что так мало? Я бы на вашем месте настаивал на трижды как минимум.

Может, передумать, а? Пока не поздно.

– Я девственница, – твердо отчеканила я, глядя в нечеловеческие глаза. – Я могу провести жертвенный обряд. И раз вы так настаиваете, то давайте трижды!

Драконий взгляд полыхнул надеждой в золоте радужки и тут же был приглушен темными ресницами. Он, кажется, боялся меня спугнуть.

Ну, уж этого не дождется – не из пугливых вышли.

Не подымая ресниц, стараясь не ожечь меня жадным взглядом, дракон с выверенным спокойствием в голосе уточнил:

– Моя помощь нужна?

Подразумевая, очевидно, подготовку.

– Без немощных справлюсь, – отмахнулась я.

Драконий взгляд все же полыхнул, ожег мою щеку раздражением и задетой гордостью, и снова погас, прикрытый веками, как жар – золой.

Я спрятала улыбку. Злитесь – это хорошо, злость ему понадобится. Здесь достаточно одной неуверенной и смущенной девицы – и уж это место я дракону не уступлю. Так что, придется ему побыть злым и решительным.

Я выпрямилась, чувствуя, как стекает по телу вода, как неприятно липнет к нему мокрая ткань. Огляделась в поиске подходящей площадки, мысленно ориентируя ритуальный рисунок по сторонам света.

Выбравшись из купальни, я порадовалась, что необходимости таиться уже нет, и высушила на себе одежду, не заботясь о том, что формула пусть и эффективна, но для первогодки слишком сложна.

Ритуальное или жертвенное, кому как нравилось называть, лишение девственности – обряд древний, драконами и изобретенный. От него и пошла по всему миру слава о драконах как любителях непорочных девиц. Впрочем, скоро к нему стали прибегать и не только драконы. Во многих древних магических родах, например, первая брачная ночь супругов всегда проходила на алтаре. В момент соития высвобождалось такое количество силы, что ее можно было черпать горстями и по кувшинам разливать, а капли девственной крови, пролившись на родовую землю, усиливали ее защиту...

Я вздохнула, а потом по-простецки посплюнявила палец, встряхнула им в воздухе, и зажегшимся на кончике мертвенно голубым огоньком принялась вычерчивать нужный рисунок, от души добавляя в стандартную конструкцию символы, знакомые по родовому алтарному камню. Пусть моя кровь прольется и не там, где полагается, и не с тем, но хоть что-то все же должно быть по правилам.

Чем ближе был к завершению рисунок, тем большая робость на меня накатывала. Потому что собственно рисунком и общими представлениями о человеческой (и немножко драконьей) физиологии мои знания и ограничивались! Но про драконов я больше знала, как их разделять, и по каким декоктам расфасовывать...

Пока я занималась художественным творчеством, ректор тоже времени не терял. Когда я обернулась сообщить, что все готово, то обнаружила его пусть по-прежнему в воде, но стоящим и... полностью обнаженным.

– Все готово, – произнесла я, с трудом разлепив пересохшие губы и стараясь смотреть дракону в глаза.

Но взгляд не слушался и сам собой стекал за каплями воды с темной копны волос, по бронзовой коже, по литым мышцам груди, по рельефному животу, по тонкой дорожке жестких кучерявых волос... что ж, пожалуй, драконья физиология отличается от человеческой в этом вопросе разве что размерами!

Ректор сделал шаг вперед, и мой взгляд тут же панически снова метнулся вверх, куда и намеревался вообще-то изначально смотреть!

– Раздевайтесь, – спокойно скомандовал дракон, выбираясь из воды.

– А заданных юбок будет недостаточно? – с тоской уточнила я.

– Недостаточно.

– Мне кажется, вы издеваетесь... – я, неуверенно взялась за кончик шнурка на вороте блузки, не спеша его развязывать.

– Я издеваюсь, вы – раздеваетесь, все при деле! – выдохнул ректор, подходя вплотную.

К пересохшим губам добавились пылающие щеки. Все же в термах очень душно...

Я все еще колебалась, когда поверх моей руки легла широкая шершавая ладонь, чуть сжала, заставляя стиснуть пальцы, и потянула. Другая, тем временем ненавязчиво распутала пояс юбки, я почувствовала только как тяжелая ткань стремительно соскальзывает с моих бедер, обнажая ноги, и невольно переступила ими.

Блузка, державшаяся на честном слове, поползла с плеч, задержавшись немного лишь на холмиках груди, но сорвалась и с нее, когда я нервно, прерывисто выдохнула. Драконий взгляд тек по коже расплавленным золотом, он обжигал, заставляя сердце биться все чаще. Чаше дышать, острее чувствовать. Обострившимся восприятием я ощутила и этот взгляд, и движение влажного воздуха в купальнях. Тихое журчание воды, дрожание бликов света на стенах и потолке, особый запах горячих источников и сырых подземелий – все сплелось в неповторимую картину, впечаталось в мое сознание первой нотой приближающегося обряда...

– Вы очень красивы, – со всей серьезностью заявил мне ректор, не торопясь прикасаться.

– С-спасибо, – запнувшись отозвалась я. Вот уж время и место для комплиментов!

Но прежде, чем я успела нервно поторопить, дракон опустился передо мной на колени, поднял руку и коснулся моего живота. Прикосновение кольнуло неожиданным холодом, я вздрогнула и с трудом удержала порыв отстраниться.

– Что это? – спросила я, глядя как дракон вычерчивает по моей коже цепочку символов. Те колются и оставляют после себя медленно тающий голубоватый след.

– Это? Ну, я полагаю беременность в ваши планы все же пока не входит.

– Не входит, – подтвердила я, чувствуя нарастающую неловкость.

Дракон кивнул и продолжил свое дело. А завершив последний символ, окинул мой подрагивающий живот оценивающим взглядом, и неожиданно подавшись вперед, прижался к нему губами! Цепочка горячих поцелуев по еще помнящей холод коже породила какое-то странное тянуще-зовущее чувство, я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, и прерывисто выпалила первое, что пришло в голову:

– Это тоже от беременности?

Дракон поцеловал пупок, заставив все внутри томительно сжаться, и вскинул на меня лихорадочно блестящие глаза.

– Это – как правило для. Не нравится?

– Нравится, – честно призналась я, но потом поспешила сдать назад, а то подумает еще что не то! – Наверное...

– Давайте уточним, – невозмутимо кивнул дракон и снова прижался губами к моей коже.

Две тяжелые ладони легли на мои бедра, огладили, чуть сжали, пока губы продолжали выцеловывать мой живот. Напряжение, прочно сковавшее все тело, постепенно отпускало. Мне действительно нравились осторожные, ласкающие поцелуи, от каждого из которого по телу

разбежался ворох мурашек. И, словно почувствовав это, дракон принялся медленно, но неотвратно подниматься вверх.

Когда губы сомкнулись вокруг сжавшегося в горошину соска, я тихо всхлипнула от новых незнакомых ощущений и сама удивилась тому звуку, который у меня вырвался. И другая грудь словно заныла... тоже требуя прикосновения?

Оно не замедлило последовать. Широкая ладонь накрыла нежное полушарие, чуть сжала, выпустила, погладила. И я испытала легкий укол разочарования, когда дракон выпустил сосок изо рта и поднялся еще выше. Горячее дыхание щекотнуло шею, а потом по ней прошелся язык... длинный и шершавый!

Я тихо ойкнула, но вместо того, чтобы отшатнуться, вцепилась в маячащие перед носом плечи. Плечи на ощупь оказались горячими, гладкими и приятно твердыми, а сам ректор стал занимать неожиданно много места в пространстве, заслонив собой весь окружающий мир. Он вдохнул, шумно выдохнул, опалив кожу там, где коснулся ее жарким дыханием, чуть отстранился, заставляя меня вскинуть голову. Золотой взгляд изучающе пробежал по моему лицу, и я закрыла глаза, не в силах его выдерживать.

Что случится дальше, я знала.

И все равно, когда губы дракона коснулись моих, я на миг сжалась, одеревенела всем телом, где-то на задворках сознания все еще не готовая к тому, что происходит сейчас, происходит со мной. Но поцелуй оказался таким осторожным, таким нежным, таким... едва ощутимым, что через несколько мгновений я поймала себя на том, что уже сама тянусь за ним, размыкая губы, подаюсь вперед, прижимаюсь грудью, животом к могучему телу и чувствую, как в меня упирается горячий твердый ствол. И от этого ощущения мне было одновременно страшно и томительно, и приятно дергало внизу живота.

Ладонь дракона, протиснувшись между нашими телами, легла на лобок, мягко и сладко сжала его, огладила и снова сжала. У меня снова перехватило дыхание, сердце бахнуло в грудную клетку и суматошно заколотилось в рваном, пьяном ритме. А драконья рука двинулась чуть ниже и дальше, невесомо касаясь набухших складок, раздвигая их, дразняще проникая внутрь на какие-то миллиметры. Все тело пронзило молнией острого, никогда доселе не испытываемого удовольствия, когда пальцы дракона, покидая мое лоно, задели скрытую в складках, невероятно чувствительную точку.

– Вы готовы? – поинтересовался низкий, с хрипотцой голос, и чужие пальцы снова мазнули по промежности, заставив судорожно стиснуть ноги. Не в испуге, нет, а чтобы удержать, продлить прикосновение.

Я была готова ровно до того момента, как меня об этом спросили, но все же нашла в себе силы, прикусив губу, кивнуть.

Вопреки стремительно нарисовавшимся в голове страшным картинам, ректор не выдохнул облегченно и не швырнул меня на пол, чтобы скорее получить причитающееся. Наоборот, он снова припал к моим губам, едва давая возможность вдохнуть, а руки скользили по телу, зарывались в волосы, сжимали, гладили ягодицы...

...и я даже не заметила, как он увлек меня в центр рисунка, заставляя опуститься вместе с ним на холодный пол.

Опомнилась я только тогда, когда вдруг осознала себя сидящей на крепких мужских бедрах, а ректор, вдоволь приласкав налившуюся, напряженную грудь, откинулся назад и лег на голубые линии и знаки, головой ровно в символ жизненной силы. Лежащие на моих бедрах ладони расслабились и опустились на гладкие камни пола, а тело подо мной замерло в неожиданном покое, не принимая участия в дальнейших действиях, и в душе разыграл оскорбленный протест:

– Вы что, хотите, чтобы я сама себя девственности лишала?!

Он даже глаза прикрыл! Еще захрапел бы!

Впрочем, прикрытые глаза тут же распахнулись.

– Адептка... – дракон осекся, вздохнул. – Тереса, правильно?

Я кивнула, с неприязнью ощущая, как от неожиданно холодного после горячих объятий воздуха купальни кожа покрывается пупырышками. Расслабленная нега стремительно улетучивалась.

– Тереса, для подобных обрядов всегда нужен алтарь. Всегда.

– Но...

– Но на мое счастье, дракон ничем не хуже алтаря, но только в том случае, если хорошо им прикинется. То есть будет лежать и, желательно, даже не дышать. Так что, боюсь, что для моего спасения от вас потребуется еще одно решительное усилие.

«Темные боги, ну кто меня вообще за язык тянул?» – с тоской подумала я. «Раздвинула ноги, закрыла глаза, раз-два и готово!». Что-то в этом плане определенно пошло не так...

Я нервно поерзала на мужских бедрах, метнув в дракона недовольный взгляд и медленно, почти мучительно перевела его на ту часть тела, которой предстояло оказаться внутри меня. Мужской член, возвышающийся передо мной, прямо между моих разведенных ног сейчас показался просто огромным.

Ох, Тьма...

Я неуверенно коснулась напряженного ствола рукой. Погладила. Кожа на нем оказалась удивительно нежной и бархатистой, приятной на ощупь. На выступающей головке блестела влага, кончиками пальцев я дотронулась до нее и провела вниз, интуитивно размазывая ее по всей длине. Дракон шумно, прерывисто, хрипло вздохнул, и я метнула в него обеспокоенный взгляд – мы же совсем забыли про время! Он не помирает ли там, часом, пока я тут вожусь?!

Ректор лежал, запрокинув голову, из-под прикрытых глаз сверкала ярким золотом радужка, побледневшее лицо блестело от пота, напряженные мышцы сжатых в кулаки рук вздулись. Кажется, ему и впрямь поплохело!

Эх, потерпите еще немножко, я сейчас...

Я снова обхватила горячую плоть вспотевшей от волнения ладонью. Провела вверх-вниз, примеряясь. Горячий какой. Интересно, он всегда такой горячий или это потому что ректор – дракон? Или, может быть, у него жар?

Мужчина издал сдавленный стон, приподнял бедра, вместе со мной на них, и я машинально сжала «добычу» в руках чуть сильнее.

– О боги... Тереса, я, конечно, все понимаю, но вы не могли бы поторопиться?!

Я досадливо прикусила губу. Поторопиться! Можно подумать, он тут помрет от моего промедления!

Ой...

Ладно. И правда, чего тянуть?

Я приподнялась, неуверенно направила блестящую головку себе между ног, мазнув по влажным складкам, задев чувствительную точку, прикосновения к которой буквально минуту назад порождали такие удивительные ощущения. От воспоминаний низ живота скрутило болезненно-сладкой судорогой, отступившее было желание возвращалось, сердце снова забилося быстрее. Руки дрожали все ощутимее. Я чуть опустила, надавливая своим весом на твердую мужскую плоть, и почувствовала, как тугие мышцы медленно раздвигаются под горячим давлением.

Темные боги, страшно-то как!

Я выпустила член, оперлась уже обеими руками по обе стороны от мужской груди, зажмурилась и одним решительным движением опустила вниз.

Сорвавшийся с моих губ вскрик потонул в громком стоне дракона. От резкой боли, к которой я пусть и была готова, на глаза навернулись слезы, но мне тут же стало не до нее.

Горячие длинные пальцы, до этого безвольно лежавшие на камнях, впились в мои бедра, скользнули по ним, сжали ягодицы, удерживая на месте. Да я и сама бы не пошевелилась, ошеломленная множеством наслаивающихся друг на друга ощущений.

Вокруг стремительно разворачивалась воронка силы.

Сила стекалась отовсюду. Из малейших закоулков пространства и фона. Из источника, из камней. Буквально из воздуха! Ее холодные ручейки с пенистым шипением вливались в общий расширяющийся поток, а тот закручивался головокружительной спиралью. Мне никогда в жизни не доводилось видеть такого количества силы, стянутого в одном месте в столь короткий срок, а я, между прочим, воспитанница старой Альбы!

И в центре этого потока была я. Мы.

Прав был ректор. Дракон ничем не хуже алтаря.

Где-то на грани восприятия кольнул теплом странный образ-ощущение, будто тоненькая струйка крови, скользнув по телам, впиталась в камни, как вода в губку, и будто пол под нами от этого нагрелся и дрогнул, но этот образ был тут же смыт новым.

Сила, уже моя сила, которую я выкачала почти до дна, щедро делясь ей с драконом еще в воде, разворачивалась теперь огромными крыльями, будто я и сама была драконицей. Только вот ее средоточие ощущалось не в груди, как обычно, а внизу. Там, где моя плоть сжималась вокруг чужой.

Я внезапно осознала, что боль уже утихла, смылась новизной ощущений, и теперь сосредоточенно пыталась понять, нравится мне или нет это ощущение растянутости и заполненности. Я уставилась вниз, на живот дракона, расчерченный квадратиками напряженных мышц, на тонкую дорожку курчавых волос, тянущуюся от пупка. Туда, где тело дракона сливалось с моим. От этого зрелища в животе снова дернуло, и я вздрогнула, ощутив, как в ответ на этот спазм внутри шевельнулся горячий ствол.

– Адептка, на что вы смотрите?! – выдернул меня в реальность голос ректора.

– На силу... – брякнула я. Не признаваться же!

– Нашли время!

– А когда бы еще?! Лишение девственности один раз бывает! У девственниц, – уточнила я справедливости ради. – У драконов, конечно, чаще...

Ректор поперхнулся, кашлянул и тут же строго отчитал:

– Адептка Давир, прекратите меня смешить. Во-первых, мне неудобно сейчас смеяться, а во-вторых, просто – никогда не смешите мужчину во время занятий любовью.

Поток полностью влился в тело дракона, и хоть все вокруг звенело от бушевавших только что сил, я очень ясно поняла – обряд завершился. С этим пониманием, пришло и другое, и запоздалое смущение, и острая неловкость.

– Ну... я тогда пойду? – растерянно пробормотала я и даже попробовала приподняться.

– Куда?! – ректор рыкнул так, что под потолком охнуло эхо и дрогнули огоньки светильников, а пальцы на моих бедрах сжались сильнее, удерживая на месте.

Ответить очевидное «обратно в общежитие» я не успела. Впрочем, есть подозрения, что вопрос был риторическим...

Дракон рывком сел, и я охнула и зажмурилась, ощутив движение внутри. И болезненным или неприятным оно не было, скорее даже наоборот, захотелось приподняться и опуститься снова, чтобы снова ощутить, как твердая горячая плоть раздвигает сладко сжавшиеся мышцы.

Я распахнула глаза и оказалась нос к носу с драконом. Глаза в глаза. Золотая радужка, переплавляющаяся в темно-янтарный цвет ближе к вытянутому, подрагивающему зрачку. И чем дальше я смотрела в эти глаза, тем четче видела в них собственное отражение. Сияющие глаза, губы-вишни, едва заметный румянец на смуглых щеках, растрепавшиеся волосы, рассыпавшиеся крупными кольцами по обнаженным плечам. Никогда еще это отражение не было

таким... красивым. Ярким. Излучавшим ярость, отвагу... страсть. Да только чтобы еще хоть раз увидеть такое отражение, я готова была отдаться этому дракону снова и снова.

Ректор шевельнул бедрами, и я, застонав от жгучего желанья получить больше, не таясь, подалась вперед навстречу поцелую. Это было так сладко, что кружилась голова. И я пьянела от вседозволенности, от того, как живо отзывалось на мой поцелуй могучее тело, от того, как оно приняло, подхватило мои неуверенные, неумелые движения, помогая, направляя, придерживая. Я терлась грудью о драконью грудь, как кошка, зарылась пальцами в копну бронзовых волос, и целовала, исступленно целовала жесткие мужские губы.

Мир перевернулся как-то незаметно. Только что я сидела верхом на драконе, а теперь уже лежу на спине, но не на камнях, а на какой-то мягкой воздушной подушке, как на перине, а ректор, нависнув надо мной огромной тенью, движется теперь сам, глубоко, резко, полностью покидая мое лоно и снова врываясь в него. А я хрипло стонала пересохшим, нахватавшимся воздуха горлом.

Ладони сами собой скользнули по рукам, опирающимся по обе стороны от меня, с упованием погладили, обрисовали напряженные мышцы, и я с изумлением почувствовала, как под моими пальцами на гладкой горячей коже вдруг проступают шершавые чешуйки.

Впрочем, это зацепило мое внимание лишь на мгновение, и оно вновь было полностью поглощено разгорающимся внутри жаром. Каждый толчок в глубине моего тела усиливал напряжение, и я все отчаяннее подавалась навстречу дракону, чувствуя приближение чего-то совершенно нового, за гранью всего, что мне доводилось испытывать раньше.

Ощущения нарастали океаническим приливом, стремительной волной, неотвратимо несущейся к скалистому берегу, затапливали, заставляя кровь грохотать в голове, заставляя меня со всхлипами втягивать воздух пересохшим ртом, гигантская неукротимая волна приближалась, и ударила в прибрежные скалы, взорвавшись белыми брызгами, и откатилась, оставив меня, оглошшую, ослепшую, висеть в немом небытии.

Здесь, в первозданной тьме и тиши, струились потоки питающих магию сил, и один из них был точно моим. Сейчас он разворачивался в полную мощь, из стремительного, но капризного горного ручья становясь полноводной рекой, спокойной, глубокой, темной – ни берега, ни дна.

А другой был ректорским, и казался сейчас изрядно потрепанным, тут и там в нем виднелись мерцающие заплатки, медленно растворяющиеся в основном течении – отголоски проведенного обряда. А еще в нем тонули, распадаясь, растворяясь черными кляксами – остатки проклятия, которому столкновение с моей силой и проведенным обрядом явно не пошло на пользу. Злые чары не выдержали напора, который их просто-напросто выжег.

И кляксы эти невероятно злили, а потому мысленно ухватив след распадающегося заклинания, я потянулась к своему все пребывающему потоку и от души зачерпнула силы. Формула развоплощения возникла словно сама собой, заклинание сплелось легко и просто, так же легко свернулось в компактный клубок, уютно улеглось в ладонь. Ну, размахнись рука, раззудись, плечо, подумала я в лучших традициях былинных героев, да и отправила заклинание от всех щедрот своей темной души по отчетливо виднеющемуся следу.

А нечего чужих драконов проклинать!

– Адептка Давир, что вы делаете? Все в порядке? – словно сквозь вату донесся до меня голос ректора.

– Делюсь силой, – невозмутимо отозвалась я. – Они же ее так хотели. Нехорошо оставлять страждущих без ответа.

Вокруг меня медленно и неохотно проявлялся реальный мир, заслоня собой безбрежные океаны магической энергии.

Первой проступила передо мной фигура ректора, все так же нависшего надо мной массивной тенью. Он тяжело дышал, на лбу блестел пот, а чешуйчатый рисунок, проступивший

немного даже на скулах, медленно таял, оставляя после себя чистую ровную кожу. Я машинально коснулась широкой груди, провела по ней кончиками пальцев, будто пыталась поймать, удержать исчезающие чешуйки, попыталась подцепить одну ногтем, но тут же опомнилась и отдернула руку, прижала к груди и вообще захотела куда-нибудь стремительно провалиться.

Но провалиться я при всех своих выдающихся способностях не могла. Зато могла скалиться с воздушной перины и юркой мышкой метнуться к валяющейся на полу одежде. Нырнув в ворот блузки, я уже почувствовала себя увереннее и смогла повернуться к ректору.

– Как вы себя чувствуете? – чинно осведомилась я голосом опытной сиделки.

– Превосходно благодарю, – столь же чинно отозвался обнаженный дракон, поднимаясь на ноги. И, несмотря на полученное только что удовольствие (или благодаря ему?) у меня внутри все томительно зануло при взгляде на то, как движется сильное красивое тело, ничуть в отличие от меня, своей наготы не смущающееся. – А вы?

Я прислушалась к себе и честно ответила:

– Вы знаете... странно.

– Ничего, – понимающе отозвался дракон, небрежным движением раскрытой ладони стирая мои напольные художества, даже как будто собирая их в ладонь. Страхнул невидимый комок, и успокоил меня: – Перенасыщение. Это пройдет. Вот что, адептка Давир, вы бы шли скорее спать, хватит с вас на сегодня переживаний. Утром встанете, сила уже успокоится.

Я кивнула и, стараясь больше на дракона не смотреть, потянулась за юбками. И то верно, что-то я сегодня распереживалась...

Мы оба одевались молча, лишь под тихий плеск воды и гулкий – случайных капель. С завязками мне пришлось повозиться – руки подрагивали, пальцы путались. Но в конце концов одежда была побеждена, и я украдкой бросила взгляд на дракона, который закончил быстрее, но не торопился уходить, замер у края купальни, глядя на воду, будто гадалка в хрустальный шар.

Не решившись отрывать его от дум, я не стала прощаться и тихонько направилась к выходу, но низкий голос меня остановил.

– Адептка Давир, вы позволите задать один вопрос?

В голове стремительно промелькнуло множество вариантов того, что ректору могло от меня понадобиться, и ни на один из них я отвечать прямо сейчас была не готова, но я все же кивнула, глядя на дракона настороженно. Водные отсветы плясали на его все еще немного бледном лице, придавая вид загадочный и немножко пугающий.

– Что вы здесь делали?

Я недоуменно сморгнула.

– Искупаться пришла.

– В закрытые от учащихся термы?

– А они были закрыты?... – удивилась я и тут же ойкнула.

Ректор ничего на это не сказал, только ухмыльнулся.

– Идите, адептка, отдыхайте. И зайдите, пожалуйста, ко мне завтра после занятий.

И я послушно пошла.

Глава 2

На удивление я заснула быстро. Сказалась, наверное, усталость после проведенного обряда да и – от этой мысли к щекам прилиwała кровь – физических упражнений. И, едва моя голова коснулась подушки, я почти сразу погрузилась в яркий, красочный, удивительно живой сон. Мне снилась Академия.

Высокие башни и красные черепичные крыши с позолоченными флюгерами. Древние стены, бурые, изъеденные ветром и солеными брызгами. Темные коридоры и светлые анфилады. Жилые комнаты и просторные аудитории, пропитанные магией. Мощные защитные чары, вплетенные в стены, в пол, в Их присутствие никогда не ощущалось, но сейчас, во сне, я видела их рисунок так четко, будто сама создавала – там истончились, надо подновить, а здесь поправлены недавно, вон как сияют...

А взгляд скользил дальше, будто я окидывала хозяйским взором владения. Гранитное снование, плавно переходящее в скалу, в самом сердце которой бил, пульсировал мощнейший природный источник. Хитрецы-драконы провели к нему тонкие каналы из подвальных терм и принимая ванны еще и восполняли резерв. Именно те купальни, в которые вел источник и были закрыты для адептов.

Утесом земли Академии не ограничивались, ей принадлежали и пригревшийся под боком Тилбери, и каменистые пастбища, и гранитный пляж, уходящий тонкой полоской на север. Вся земля здесь дышала магией, древней и вечной.

Сон приблизил меня к самому источнику, от света которого слепило глаза, а от концентрации силы кружило голову. Я протянула руку, коснулась теплого, дышащего сгустка энергии...

И проснулась.

В комнате было темно. Густо-синее небо за окном едва-едва наметило светлую полосу на горизонте, и я торопливо соскочила с кровати и принялась одеваться. Сегодня у меня было важное дело. Шестой день шестого месяца – родовой день памяти, день Мертвых. В идеале я должна была бы встретить его в семейном склепе, но, за недоступностью оно́го, подойдет и обычное кладбище. Предки поймут. И простят.

Я вышла за ворота школы, держа подмышкой свернутый кулек необходимых принадлежностей, и, ежась от зябкого тумана, набежавшего с моря, зашагала по узкой дороге в сторону Тилбери. А потом, не доходя до города, свернула направо, шагнув на едва заметную, поросшую папоротником тропку.

Кладбище крепко спало. Его никогда не тревожили ни злые духи, ни беспокойные восставшие, ни озлобленные потревоженные. Я провела кончиками пальцев по ближайшему изъеденному ветром надгробию и камень под моими пальцами будто потеплел. Хорошее место. Подходящее.

Убедившись лишний раз, что меня окружают лишь мертвые, я скинула с себя одежду и прямо на голое тело надела черное ритуальное одеяние, ощутив небывалую легкость и свободу. Глубокий капюшон скрыл черные кудри и половину лица. Взяла в руки длинную свечу. Фитиль вспыхнул маленьким, неестественно ровным и зеленым огоньком, и я побрела по периметру кладбища, осторожно ступая босыми ногами по мокрой холодной траве.

Первой пришла Старая Альба.

Тени за моей спиной беззвучно пришли в движение, соткав из воздуха высокую, не согбенную ни временем, ни потерями фигуру. Я ощутила, как мое плечо сжали сухие узловатые пальцы, улыбнулась и продолжила ход.

Белтрэн и Кеит. Маленький Аарон. Отец...

Все новые и новые тени сгущались позади и мой одинокий ход превращался в торжественное многоликое шествие. Над могильными плитами завыл не выходящий за пределы кладбища ветер и в этом вое, если прислушаться, можно было различить сотни голосов, обрывки разговоров. Приветствия, объятия, гулкий потусторонний смех. Мои губы снова тронула улыбка, но лежащие на плече пальцы тут же сжались, впиваясь в кожу костлявыми фалангами.

«Пустое то». Ветер скрипуче закачал старый разохшийся клен. «Делом займись».

С огромным трудом я оторвала мысленный взор от теней с такими родными очертаниями и, глубоко вздохнув, не останавливая шаг, закрыла глаза и скользнула сознанием по тонкой темной паутине, сплетенной под землей миллионами отошедших за Грань душ.

В родовом поместье царил порядок. Погруженные в долгий, но чуткий сон стены поведали, что нога чужака в них не ступала. А вот граница...

Граница чернела подпалинами, оборванными кое-где нитями заклинаний. Некто отчаянно бился в накрепко запертые ворота, но обломал зубы и ушел ни с чем. Я зло сжала челюсти и занялась восстановлением порушенного, с удивлением чувствуя, что от щедрот проведенного в купальнях обряда мне перепало знатно. Сила едва не рвалась с кончиков пальцев стремясь скорее вырваться из тесной оболочки.

Кто пытался проникнуть на земли рода Ривад, мне выяснить не удалось. Но я, пользуясь негаданным драконьим подарком, щедро добавила несколько новых узоров в причудливых витках заклинаний, чтобы в следующий раз, он уже не ушел так просто.

И вернулась обратно, скользнув по тонким нитям за тысячи миль – нужно было завершать ритуал.

Когда я вернулась, горизонт уже зарозовел, и туман отползал, боязливо поджимая свои полупрозрачные щупальца. Времени оставалось мало, и я затянула прощальную песню, под звуки которой под землей заворочались старые кости тех, кто никогда не знал темных магов из рода Ривад, но сейчас готов был вечно им служить – только попроси.

Я не видела, но чувствовала, как фигуры за моей спиной начали таять, растворяться в предрассветных сумерках, с невнятным шепотом, тающим в высокой траве. Медленно, одна за другой. Костлявые пальцы снова сжали плечо. Напоследок.

«До встречи, Тереса Ривад, нареченная родом Темною...».

Я дунула, гася огонь свечи, и в то же мгновение над горизонтом показался краешек солнца.

За моей спиной никого не было, только трава была вытоптана так, будто по ней прошли десятки людей, а не одна босоногая адептка Академии семи ветров.

Переодевалась обратно я в состоянии крайней задумчивости.

Темная, надо же. Себя я мысленно называла Последней – а как еще, если так оно и есть? Но бабка решила по-своему, как всегда. Быть Темной в темном роду – величайшая честь, заслужить которую я еще точно никаким образом не успела, а значит, имя это мне дали не за заслуги.

Это вера. Старая Альба верила в меня...

Когда я прошмыгнула в тяжелые ворота академии замок уже просыпался. На мое счастье, на сверток в моих руках никто не обратил особого внимания.

...а слезы по дороге высушил ветер.

* * *

Сегодня я была даже рада тому, что занятия так медленно и скучно тянутся. Перспектива отпраиваться после них в ректорский кабинет одновременно пугала, смущала и зарождала затаенное любопытство. Я знала, что ректор Эйнар будет задавать вопросы, даже подозревала, какие. Продумывала ответы. Крутила их так-сяк, периодически склоняясь к непродуктивному,

но проверенному партизанами методу «молчать как рыба об лед». А что? Он мне защиту обещал? Обещал! А я ничего рассказывать не обещала. И вообще...

Дальше мысли скатывались почему-то в воспоминания о проведенном обряде, выдерживать их оттуда приходилось с усилием, и вновь возвращать на круги своя.

Так что к ректорскому кабинету в четыре часа пополудни я подошла в более чем растрепанных чувствах, так и не определившись с моделью поведения и мужественно решив действовать по обстоятельствам.

К моему удивлению и некоторому облегчению, ректор оказался в кабинете не один. Одно из стоящих напротив широкого стола кресел занимал смуглый, темноволосый и черноглазый наставник Алвис, черный дракон. Он вел только старшие витки, начиная с четвертого, и специализировался весьма символично на темной магии.

– Присаживайтесь, адептка Давир, – спокойным доброжелательным тоном предложил ректор, указывая на второе кресло.

Я молча подчинилась и села, смиренно опустив ресницы и сложив руки на коленях – ученица первого витка обучения, робкая, примерная, целиком и полностью приличная, если не сказать невзрачная. И вообще давайте мы меня отпустим и вспомним о случившемся, только когда мне действительно понадобится драконья помощь? Может, еще и обойдется и вспоминать не будет нужды...

– Я хотел бы выразить вам огромную благодарность за спасение моей жизни, – торжественно и серьезно произнес дракон.

Я знала, чувствовала, что он на меня смотрит, но сама глаз поднять не могла. Это пристальное внимание смущало, заставляло сердце биться чаще. Кровь прилиwała к щекам, а пальцы наоборот – холодели. В голову начинала закрадываться мысль, что уж лучше бы он взял меня вчера, не заботясь об удовольствии! Потому что смотреть на ректора и не думать о том, как сильное красивое тело прижималось к моему, как руки ласкали грудь, как губы целовали, как язык... ох, Тьма!..

– Преподавательский состав в моем лице к этой благодарности присоединяется, – кивнул наставник Алвис, обрывая мучительно сладкие воспоминания. – Вы совершили очень благородный поступок, адептка Давир.

«Ну вот и весь преподавательский состав в курсе...» – тоскливо подумалось мне. Но прежде, чем я успела додумать до конца эту мысль, ректор Эйнар поспешил ее подкорректировать.

– Я был вынужден сообщить детали наставнику Алвису, как вы понимаете, для того чтобы разобраться в произошедшем. Но остальные драконы знают только то, что была попытка меня убить. Поскольку неизвестно, кто и зачем пытался причинить мне вред, я обязан предупредить преподавателей, чтобы они были осторожнее.

Драконы и осторожность! Ха! Очень смешно.

Но тут не поспоришь, склонность к Тьме или Свету у драконов редкость, они больше стихийники, и привлечь к выяснению ситуации специалиста ректор действительно был вынужден. Впрочем, этому дракону я по умолчанию доверяла. Темный темного без поддержки не оставит.

– Наставник Алвис хотел бы задать вам несколько вопросов о случившемся, если вы позволите. А потом мы обсудим ваше вознаграждение.

Я кивнула, все так же не поднимая глаз. Право слово, за такое смирение с моей стороны Старая Альба многое бы отдала!

Вляпалась ты, Тереса, в чужие проблемы по уши! Можно подумать, тебе своих было мало?

– Я так понимаю, спрашивать у вас, откуда такие обширные познания в сразу нескольких разноплановых областях магических знаний, смысла не имеет? – дружелюбно и доброжелательно поинтересовался черный дракон.

– А это может помочь в расследовании? – осторожно уточнила я на всякий случай.

– Нет, – с сожалением признал наставник. – Но интересно!

– Меня обучали магии с детства. Так устроит?

– Допустим. Вы разглядели проклятие? Могли бы его описать?

Я все же перевела взгляд на ректора и, встретившись им с янтарными глазами, почувствовала, как сердце пропустило удар.

– Дайте, пожалуйста, бумагу. И карандаш.

Образ лоснящейся черной твари, сдавившей драконьи ребра, жирной и неповоротливой из-за огромного количества выжранной силы, намертво отпечатался в памяти. Его-то я и набросала на бумаге, тщательно уделяя внимание деталям. Окинула рисунок критическим взглядом, потерла нахмуренный лоб кончиком карандаша, добавила еще несколько штрихов и протянула лист наставнику.

– Исчерпывающе, – уважительно присвистнул он.

– Я пробовала подрезать нити, чтобы отсечь заклинание от... от источника, который его питал. Хотя бы частично. Но там стояла защита. Я с такой незнакома.

– Я подозреваю, что справиться с ней мог бы только опытный малефик, поэтому вам не в чем себя винить, адептка Давир. Вы мне очень помогли.

– Вы знаете, кто наслал проклятие? – с надеждой уточнила я.

– Пока нет. Но заклинания подобного уровня всегда содержат почерк создателя. Я сравню ваше изображение с исходной формулой, вычислю этот почерк, и нам останется только выяснить, кому он принадлежит.

Звучит легко и просто...

– Ректор Эйнар упомянул, что вы что-то сделали уже после того, как проклятие распалось.

– Отправила по следу формулу Развоплощения, – нехотя призналась я в мелкой мстительности. Я прекрасно понимала теперь, да и тогда, наверное, что никакого серьезного вреда она создателю чар подобного уровня не причинит, но удержаться было просто выше моих сил!

Черный дракон хохотнул, запрокинув голову, оценив жест сполна.

– Тайфун мне в спину, адептка Давир, куда вы, говорите, планируете идти после третьего витка?..

– Алвис, – ректор строго одернул подчиненного, и тот тут же вновь принял серьезный вид.

– Вопросов больше не имею, – он аккуратно сложил мой рисунок и сунул в карман камзола.

– Почему оно рассеялось? – не утерпела я и выпалила собственный вопрос, который мучал со вчерашнего дня.

– Не выдержало силы двойного ритуала, – отозвался черный дракон, почему-то улыбаясь.

– Двойного? – я нахмурилась. – Какого двойного?

– Первый – более крупный, всплеск силы, – ответил вместо наставника Алвиса почему-то ректор, – случился, когда была принесена жертва. А второй... мы же не покинули пределы магического рисунка после. Так что когда вы...

Он замолчал, и я почувствовала, как щекам стало горячо-горячо. Оба дракона старательно прятали глаза и улыбки, пытаюсь удержать вид серьезный и бесстрастный, а у меня возникло совершенно детское и неуместное желание кинуть в обоих чем-нибудь темномагическим.

На границе реального и потустороннего неодобрительно молчали.

– Ну, я пойду, – черный дракон легко подскочил с кресла. Он вообще двигался стремительно и в комплекции бронзовому явно уступал. – Всего доброго, адептка Давир, да пребудет с вами Тьма!

Росчерк черного плаща, так похожего на взмах крыльев и удаляющиеся шаги уже за дверью.

В кабинете повисла мрачная тишина. Вот и надейся на темных, взял и кинул...

Я уставилась на носки собственных туфель, выглядывающие из-под ярко-синей юбки.

– Ну же, посмотрите на меня, Тереса, – дракон неожиданно назвал меня по имени, и я удивилась, как сочно, звучно прокатилось оно по его языку. – Я не кусаюсь. Извините, что так неловко вышло с вашим вопросом, но вы сами его задали.

– Могли бы не отвечать! – вскинулась я, и мой взгляд наконец встретился с расплавленным золотом глаз дракона.

– Вы бы решили, что мы скрываем от вас что-то страшное.

– Тогда не ухмыляться!

– Я вовсе не...

– Во все да!

– Ладно, приношу вам свои самые искренние извинения, – мирно отозвался дракон... ухмыляясь еще шире. Но так доброжелательно, что я почувствовала, как на лицо лезет ответная непрощенная улыбка, а потому шумно выдохнула и насупилась, удерживая неприступный вид. – Как вы себя чувствуете?

– Неловко, – прямо глядя дракону в глаза признала я.

Я никогда раньше не обращала особенного внимания на ректора, а вчера было как-то не до разглядываний, и теперь единожды вскинув голову, я ее уже не опускала, с затаенным интересом рассматривая своего первого мужчину. Бронзовые волосы – густые и мягкие – сегодня собраны в хвост. Расшитый серебром камзол украшает широкие плечи. Белая рубашка контрастирует с загорелой кожей, делая ее еще смуглее. Внимательный взгляд, жесткая линия подбородка. И никакой вам чешуи.

– Хотите, мы поговорим в другой день?

– Нет уж, давайте сейчас! Я готовилась! – от одной мысли, что мучиться ожиданиями Большого Разговора, придется дни и недели, меня передернуло.

– Разговаривать готовились? – иронично уточнил дракон.

– Молчать! – объявила я и поджала губы, приготовившись продемонстрировать натренированный навык.

Дракон сдержанно кашлянул, пряча смех в глазах за ресницами.

– Мне хотелось бы отблагодарить вас, адептка Давир, за оказанную мне и академии услугу.

– Вы пообещали мне защиту! И три желания.

– Мне казалось, речь шла о помощи в ответ на просьбу... – ректор задумчиво потер подбородок раскрытой ладонью.

– Мало ли в чем мне помощь понадобится, – я пожала плечами. – Может, я сокровищницу вашу решу ограбить! Поможете?

– Лично на своем горбу перетащу к вашим ногам. Мне уже лететь?

– Не, – я поморщилась, – у меня в комнате места не хватит для ваших сокровищ. Спать на драгоценностях удовольствие то еще, как вы это делаете? Я, конечно, понимаю, чешуя, все такое... но жестко же!

– Зато профилактика ревматизма, – без тени улыбки отозвался ректор.

Я прыснула в кулак, тут же сама себя одернула. Темные боги, эти драконы вообще умеют быть серьезными? И как с таким руководством эта академия до сих пор стоит?

Драконы жили долго. Очень долго. Насколько долго, наверное, никто толком не знал, даже сами драконы, потому что от старости они, по-моему, вообще не умирали, а умирали вот так, как мог умереть ректор – вляпавшись крыльями туда, куда вляпываться не стоило. Наверное, безудержная тяга к поиску приключений на хвост прилагалась к долгожительству

как предохранитель от скуки. А к этому предохранителю матушка-природа жалостливо приложила немеряную силищу, а то уже повымирили бы все к бесовой матери!

...но какие же они все-таки красивые! Хотя тут, пожалуй, смотря какого дракона взять. Наставник Алвис вон так, ничего особенного в человеческом виде, даже несмотря на то, что дракон красивый – черный, блестящий, длинная изогнутая шея, шипастый хвост. А вот ректор...

Я еще раз окинула дракона оценивающим взглядом и мысленно вздохнула – ну как же хорош!

– Вы не голодны? – и не подозревая о мыслях, витающих в глупой женской головешке, поинтересовался дракон.

– Нет, спасибо, – машинально отозвалась я, даже не осознав до конца вопрос, несмотря на то что обед был давно, а до ужина оставалось еще полтора часа.

Не знаю, что затеял бы ректор, скажи я «да», но в любом из вариантов – еще чего не хватало! Однако простой вопрос, заданный заботливым, располагающим тоном, определенный эффект возымел – я почувствовала, как напряжение, сковавшее спину деревянной осанкой, потихоньку отпускает.

Никто не желает мне здесь вреда. Он просто искренне хочет отблагодарить.

– Хорошо. – Ректор кивнул. – Тогда вы можете сказать, кто или что вам угрожает?

Я неопределенно пожала плечами. Ответить на этот вопрос я бы не могла, даже если бы и хотела.

Охотники за родовым наследством? Слишком расплывчатое определение, чтобы дать дракону возможность что-либо предпринять.

Король? Род Ривад до сих пор являлся верным вассалом, мы связаны клятвой с королевской династией, и если король вдруг узнает о том, что в живых осталась только одна девица восемнадцати лет от роду, то он может пожелать распорядиться моей судьбой, и вряд ли мне это понравится. Но втягивать драконов в противостояние с короной я бы не хотела.

«По крайней мере, с ходу», – шепнул из глубины души прагматичный голосок.

– Меня... могут искать, – тщательно подобрав слова, сформулировала я. – И если найдут – тогда мне может понадобиться помощь. Пока что мне достаточно обучения в вашей академии.

– Не заметно, чтобы вы здесь учились, – иронично заметил дракон.

– Хорошо, мне достаточно пребывания в этих стенах, – легко исправилась я.

Чего греха таить, учеба и впрямь не значилась среди моих приоритетов. Но за те деньги, которые драконы берут за обучение, они точно не могут поставить мне в упрек то, что я заняла лишнюю кровать. Ну ладно, две кровати!

– То есть в ближайшее время мне не ждать осады Академии полчищами нежити во главе с некромантами, требующими выдать кровиночку? – дракон откинулся на спинку стула, сцепив руки в замок. – Я не то, чтобы возражал, но долг перед учениками, все такое, надо подготовиться...

– Я не сбежала! – фыркнула я, задрав нос. – Я вольна быть там, где пожелаю! Но есть те, кто может попытаться меня этого права лишить, только и всего. Если найдут.

И тут до меня дошло, что именно сказал дракон. Некроманты. Темная магия многогранна и многолика, почему он упомянул именно некромантов?

Вопрос, наверное, настолько явно читался на моем лице, что ректор с улыбкой пояснил.

– Вы были на кладбище.

– Может, я там папоротник собирала! – возмутилась я, досадуя про себя на собственную неосторожность – все же кто-то да заметил.

– Может, – легко согласился ректор. – Но тогда вы сейчас не выглядели бы такой оскорбленной тем, что один настырный дракон лезет не в свое дело.

– Папоротник – это, между прочим, очень личное!

Дракон не выдержал и, запрокинув голову, расхохотался. А мне захотелось спрятать лицо в ладонях.

Тьма, Тереса! Лучше бы ты и впрямь молчала!

Я честно постаралась сделать лицо как можно более бесстрастным, искренне надеясь, что оно при этом выглядит не слишком по-дурачки, и терпеливо дождалась, пока ректор отсмеется.

– У вас есть еще вопросы? – поинтересовалась я, скопировав сухой тон Старой Альбы.

– Есть, – кивнул дракон. – Но я боюсь, что если их задам, то потом буду до конца дня смеяться. Это у вас, адептка Давир, занятия закончились, а мне еще работать! Поэтому вместо вопроса у меня предложение.

Он выдвинул один из ящиков стола, запустил туда руку, вытащил и продемонстрировал мне украшение на тонкой витой цепочке – хрустальная роза ветров, в прозрачной глубине которой светился теплый желтый огонек.

Я не успела даже озвучить вопрос, а память предков уже подсказывала – «Драконий глаз», тончайшей работы артефакт, который...

– ...позволит вам мгновенно сообщить мне, если потребуется помощь, а мне – создать переход, чтобы вас найти. Вам даже не нужно будет открывать рот, достаточно мысленного посыла. Я также узнаю, если вы окажетесь без сознания или попадете под угрожающий жизни удар.

– Это очень дорогая вещь, – машинально отметила я, прислушиваясь к отзвучавшему эхом голосу.

– Не дороже моей жизни, – просто ответил дракон, но потом ухмыльнулся и добавил: – И уж тем более – моей сокровищницы, которая значится в ваших планах на разграбление. Вы позволите? – он поднялся. – Я должен лично его надеть на вас, чтобы чары заработали.

Я тоже поднялась, чтобы дракону не пришлось слишком сильно наклоняться. И все равно, когда он встал передо мной, мне показалось, что на фоне этой махины я просто букашка. Ректор расстегнул хитрый замочек на цепочке, и через несколько мгновений моей кожи на шее коснулся одновременно холод металла и горячие пальцы. Мимолетное прикосновение обожгло, щеки запылали. Дракон стоял так близко, что мне казалось, я слышу его сердцебиение – тоже ускоренное. Но наверняка, это просто собственный пульс стучал в ушах. Замочек щелкнул, руки вынырнули из-за шеи, поправили цепочку и саму розу на груди, и прикосновение к ней я ощутила даже сквозь ткань блузы.

Дракон вздохнул и присел на край стола, оказавшись со мной почти на одном уровне.

– Будет лучше, пожалуй, если вы не будете носить ее у всех на виду.

Я кивнула и тут же, чтобы не забыть, заправила артефакт за ворот. Обнаженную кожу хрусталь на удивление не охладила, а взгляд дракона, с интересом проследившего за этим жестом, более того – обжигал!

В кабинете повисло молчание. Я смотрела на дракона, он – на меня. И я бы не сказала сейчас, что молчание это было неловким. Скорее... выжидающим.

– Ну... я тогда пойду? – ляпнула я. И тут же покраснела.

– Идите, адептка, идите... – ухмыльнулся дракон, не двигаясь.

Покидая ректорский кабинет, взгляд его обладателя я ощущала так, будто он ко мне приклеился.

Глава 3

Мерзкая письменная работа никак не хотела завершаться. Теоретическую часть я бездумно переписала из учебника, пользуясь уже отработанным приемом: через каждые пять слов меняя одно книжное на свое. Так создавалась впечатление, что я не списываю все сплошную, но и мое собственное мнение ниоткуда не выпирало. С расчетной частью и того проще – берем формулы из учебника, берем цифры из задания, подставляем одно в другое... Формулы были незнакомые, и я бы воспользовалась совершенно иными приемами – проще и удобнее, на мой взгляд, но присутствовало смутное ощущение, что мои приемы ничуть не проще. Удобнее – да. А вот проще они мне кажутся только потому, что я уже около десяти лет ими уверенно оперирую. Но даже с использованием неудобных, корявых и разлапистых формул из учебника, расчетная часть заняла около пятнадцати минут.

Дольше теорию списывала, ей-ей.

Теперь оставалось самое сложное – вывод. В выводе следовало написать свои мысли. Мои мысли нельзя было писать не то, что в письменную работу в Академии семи ветров, а и устно пересказывать кому-либо в ней же не рекомендовалось. Во-первых, не пристало владельнице рода матерно изъясняться при посторонних. Во-вторых – выгонят.

Я посидела, вперившись пустым взглядом в стену над огромным столом – я решила, что раз уж меня, бедняжку здесь не любят, то и мне негоже стесняться, и столы тоже сдвинула, превратив два средних в один приличный. На стене никаких подсказок не появлялось. Не выдержав, я выдернула из стопки черновиков обрывок листа, и бегло накорябала на нем выводы, которые вертелись в голове. Аккуратно подправила во фразе «после проведения данных расчетов я пришла к выводу, что данный метод не рационален и громоздок» два хвостика – у букв «ц» и «д». Полюбовалась сухими, четкими формулировками, выверенными и обкатанными годами использования, и вздохнув, отодвинула его подальше, от соблазна, вернувшись к тягостным раздумьям и созерцанию стены.

Так. Ну, должны же у этого метода быть какие-то достоинства? Не оскорбительные.

Негромкий стук в двери, сопровождающийся занятым магическим эхом, я восприняла с радостью.

Стук повторился, и я убедилась, что нет, не показалось – неожиданный гость пользовался каким-то способом направленного подавления звука, стук в дверь был слышен только мне, находящейся внутри комнаты.

Я подобралась и насторожилась – на всем этаже жили адептки первого и второго витка обучения, и стучать ко мне в дверь столь магически затейливо было абсолютно некому. Да и незачем. Но даже это меня не расстроило – по сравнению с унылой письменной работой и набившим оскомину выводом, даже встреча с превосходящими силами Короны, обнаружившей подлог и решившей призвать главу мертвого рода к ответу, выглядела неплохо.

К тому же, в эту перспективу я не очень верила.

Совсем не верила. Вообще.

Тени, откидываемые двумя магическими лампами на столе, стали глубже, обрели графическую четкость. Вытянулись. Едва заметно, но так успокаивающе. Не тени, но тьма. А кто знает, что водится во Тьме? Разве что я... На пальцах правой руки *замерло*. Не люблю угроз. Так что я никому не угрожаю. Просто... просто обезопасила себя.

В тенях шевельнулись, напоминая о своей поддержке, и затаились, подчиняясь моему мысленному «Лежать!».

– Кто там?

– Адептка Давир, вы позволите мне войти? – отозвались из-за дверей знакомым низким голосом, я сморгнула от неожиданности и открыла.

Какой все-таки он красивый мужик. Бронзовые волосы, собранные в строгую косу, лежали волосок к волоску, темный загар, редкий и непривычный в здешних краях. Нос с легкой горбинкой, рот, челюсть, короткие ресницы... Вот вроде ничего особенного – а красиво. Только глаза выбиваются из «ничего особенного» – желтые, яркие, как у филина, жившего в заброшенной башне у нас... у меня дома. А еще, он большой. Выше меня – а я девица рослая. Массивный. Тяжелый – толкнулось в мысли непрошенное воспоминание.

Я слотнула, растерянно разглядывая ректора и спрятав за дверь правую руку.

– Я могу войти? – серьезно уточнил он, и я замешкалась.

– Да, конечно...

Раз – пальцы на правой руке напряглись, нащупывая *замершее*. Два – согнулись крючками. Три – расслабились, позволяя тому, что замерло, соскользнуть в небытие, во Тьму. В тенях с сожалением ворохнулись, уточняя – что, сегодня ничего не будет?! «Да ну вас всех! Место!». Мое досадливое повеление коснулось теней и вернулось ко мне легким разочарованием. Один выдох. Три удара сердца.

– Проходите, не стойте, – я шагнула в сторону, шире открывая дверь и освобождая ректору проход.

Что-то часто оно у меня колотится.

Выглянув в коридор, я окинула его беглым взглядом, убедилась, что некому обнаружить неурочного посетителя, и закрыла двери.

– Меня никто не видел, я прикрылся чарами отвода глаз, – бодро успокоил меня ректор, как будто это и было то, о чем, я беспокоилась.

Нет, я-то еще как беспокоилась – но вовсе не о соседках, а о том, что он здесь, рядом, слишком близко во внезапно ставшей тесной комнате. О том, что его запах – запах горьковатой осени, морской соли, морозного ветра поднебесья, и чего-то еще неповторимого, будоражащего, характерного только для него, пленительно близко. О том, что его голос вибрирует в костях, гудит в жилах, сбивает сердечный ритм, и оно то замирает, то колотится как сумасшедшее. О да, это меня беспокоило!

А соседки... чхать я на них хотела, и им самим лучше бы тоже на меня чхать, ибо вздумай какая-то проявить несвоевременное дружелюбие – видит Тьма, пустила бы дуру прахом.

Очнись, Тереса, ты же темный маг! Циничная некромантка в конце концов!

Мысленная затрещина самой себе несколько разогнала томную одурь, и я, наконец, додумалась поинтересоваться, что нужно уважаемому ректору в общежитии первогодок:

– Что-то случилось?

– Да как вам сказать, – протянул дракон, вильнув взглядом куда-то в сторону.

– Что?! Опять! – вскинулась я в тревоге, ничего не поняв толком, но зато взбодрившись достаточно, чтобы стать самой собой, – Ну, посидите тихонечко, я сейчас вам девственницу найду!

И даже обозначила телом движение в сторону двери.

– Что... – опешил ректор, а потом подозрительно (изумленно) уточнил, – Адептка Давир! Вы издеваетесь?!

– А что? Это можно только вам? – Тьма знает, зачем он явился, но мне внезапно стало от этого как-то легко и хорошо, и тело мыльным пузырем стремилось взлететь под потолок, сквозь перекрытия, этажи, крышу, прямо в звездные небеса. А на земле меня удерживали только янтарно-желтые глаза, приковывая надежнее цепей.

Онские глаза одарили меня великолепно-надменным взглядом, ноздри породистого носа раздулись – единственный и неповторимый ректор всея Академии нашей, бронзовый дракон Эйнар, изволил презрительно фыркнуть на дерзновенную студентку, и не успела я возгордиться, достал из-за спины пушистый маленький букетик – короткие стебельки, нежные фиолетовые венчики цветков с лепестками, похожими на аккуратные ноготки благородной дамы.

– Шафран осенний, – уверенно опознала я. – Действующее вещество – колхицин, воздействует перорально, противоядия не имеет.

Я взглянула вниз, на выглядывающие из кулака хвостики, и уточнила:

– Только они без корней, я извлечь его могу не успеть, – продолжила я, прикидывая, сколько времени мне нужно будет на подготовку, и пытаюсь на глазок определить, и что с ними нужно будет сделать, и почему именно мне. – Да и доза маловатая получится...

И еще договаривая фразу, поняла какая же я... недалекая девица.

Дура! Тебе первые в жизни цветы принесли!

Закрыв глаза, я вдохнула, выдохнула, аккуратно забрала у ректора букетик, и, пробормотав «Спасибо!» принялась пристраивать их в чашку с питьевой водой, отчаянно радуясь, что смуглые люди краснеют редко и незаметно. На ректора я смотреть боялась.

А зря – дракон улыбался, широко и сокрушительно беззлобно, и открытая белозубая улыбка на смуглом лице что-то сделала с моей головой, и меняхватило только на то, чтобы взглянуть на него укоризненно – я и так уже дышу от его присутствия с трудом, так он еще и улыбается, это бессердечно!

В ответ на мой немой укор бессердечный (и бессовестный) дракон только пожал плечами, и улыбнулся еще шире:

– Ну, их ведь не обязательно есть, верно?

Я сердито засопела и отвернулась к столу, скрывая смущение от своей глупой ошибки. И потому пропустила момент, когда гость, чувствующий себя в моей комнате совершенно непри-
нужденно, шагнул к столу, и благожелательно спросил:

– Готовитесь? Я вас не отвлекаю, надеюсь?

Я независимо пожала плечом:

– Мне все равно только вывод остался...

– Вы позволите? – поинтересовался ректор Эйнар и, дождавшись неуверенного пожатия плеч, взял мою работу. – Весьма неплохо. И в чем загвоздка?

Я кисло улыбнулась, имея ввиду, что никакой загвоздки нет, и вообще, дела там для меня на пять минут.

– Нет ничего постыдного в том, чтобы попросить помощи, если она вам нужна, адептка Давир...

Я не знаю, почему он спросил то, что спросил – но вопрос прозвучал, и вышиб меня из колеи:

– Вы бастард?

Мой взгляд против воли метнулся к его лицу и опал, а я стремительно соображала, с чего он это взял, что мне ему ответить, и надо ли отвечать вообще – вариант с бастардом отлично объяснил бы оба обряда, проведенные мной в термах, да и вообще... удобнее прикинуться побочным отпрыском какого-то магического рода, чем объяснять, почему у меня порой вылезают знания, никак не доступные скромной сироте, адептке первого витка обучения – но и опускаться до прямого вранья мучительно не хотелось...

Да и попросту страшно было – не дай Тьма, распознает!

К моему счастью, это и не понадобилось.

Ректор, глядя с высоты своего роста куда-то мне в макушку, тихо сказал:

– Вы морщитесь каждый раз, когда слышите свою фамилию. Вам неприятно ее слышать.

Надо же... А я и не замечала. Перевернутое задом наперед имя рода Ривад звучало вполне привычно на велибарский слух и вписывалось в местные традиции – и все равно меня ужасно раздражало. Но я не думала, что это написано у меня на лице. Я растерянно вскинула взгляд – и попала в плен янтарных глаз. Сочувствующих, чуть грустных. Теплых.

Ректор кивнул, подтверждая свои слова, и добавил:

– А в совокупности со всем прочим...

Я снова опустила голову (макушку ощутимо жгло под драконьим взглядом) и дернула плечом, давая понять, что не хочу это обсуждать. Просто не желаю.

– Какое драконам до этого дело? – огрызнулась я, чувствуя себя правой.

Драконы декларировали невмешательство Академии семи ветров в дела, творящиеся снаружи ее стен – и такие расспросы не очень-то соответствовали этим заявлениям...

– Никакого, – миролюбиво согласился дракон за всех своих собратьев разом. – Я не за этим пришел, адептка Тереса. Я пришел сказать, что принял решение перевести вас к целителям четвертого витка обучения.

– За что?! – вызвался из моей груди негодующий возглас.

Я открыла рот, как распоследняя простолюдинка. Закрыла его. Снова открыла – и опять закрыла. Слов, более полно описывающих мое отношение к происходящему, не находилось.

– Вы же, кажется, задаетесь вопросом, когда вас начнут учить чему-нибудь интересному – вот на четвертом витке всё интересное и начнется.

Невозмутимость ректора выводила меня из себя – в конце концов, несмотря на то, что он выглядел бесстрастной каменной глыбой, я чувствовала, что внутри он веселится. И от этого я злилась еще больше – ну как, как можно быть таким бессовестным и привлекательным одновременно?!

И, даже если забыть про целителей – целителей, простите меня темные боги! – то мне, может, просто нужны эти уплывшие из-под носа три года в безопасном месте. И пусть я собиралась определиться, что дальше делать с этой жизнью, куда раньше, всё равно – это не давало ректору права так беспардонно вмешиваться в мои планы!

Права, ох, права была старая Альба, в очередной раз мелькнула мысль – и на границе реального и потустороннего послышался ехидный дребезжащий смешок.

– Вы обещали мне защиту! – зашипела я, подобрав, наконец, слова, глядя дракону прямо в наглые желтые глаза – и плевать, что для этого мне понадобилось встать на цыпочки, а ему ссутулиться.

– Вот именно. А потакать вашей лени – не обещал. Четвертый виток, адептка Тереса, и без разговоров! Завтрашний день вам дается на то чтобы обменять учебники и утрясти расписание, а со среды будьте добры приступить к занятиям!

Мы стояли нос к носу, и кулаки у меня сжимались сами собой от желания поколотить эту бесчувственную глыбу, когда он вдруг усмехнулся:

– Не упрямитесь, адептка Тереса. Можете рассматривать перевод как законную возможность не дописывать работу, а на четвертом витке вы уже имеете полное право писать, что формулы первого витка – сущая ерунда!

Я закрыла рот, и почувствовала, что глаза у меня стали круглыми, как две кофейные чашки. Он что... он видел мой черновик? Видел тот листок?

Мне захотелось провалиться сквозь пол. Какой позор! Нечего сказать, хороша! Конспиратор, Тьма её побори!

– Вы не имеете права меня заставлять, – прошипела я гадюкой, злясь и на себя, и на ректора с его непрошеным вмешательством в мою судьбу, и на дурацкие бумажки, которые он умудрился заметить, когда его никто не просил.

Я жала и разжала кулаки и, глядя на дракона исподлобья, сообщила:

– Мне надо закончить работу. У вас все?

Ректор одарил меня долгим гипнотическим взглядом, словно прикидывал, как лучше поступать со строптивыми адептками – зажарить и съесть или связать и сбросить в море с академической башни. Не определился и, разорвав зрительный контакт, направился к двери.

Я последовала попятам, чтобы скорее ее за ним закрыть (и подпереть парой-тройкой заклинаний), а потому, когда дракон неожиданно замер и резко обернулся, врезалась в него,

как птица в стекло. Изумленно вскинув голову и открыв рот, сказать я все же ничего не смогла. Бережно обхватившие мое лицо ладони напрочь лишили дара речи.

– Нет, не все, – сообщил мне ректор Эйнар. И поцеловал.

Пол поплыл у меня из-под ног, я ухватилась за широкие плечи, чтобы не упасть – и, вцепившись в них, с жалобным всхлипом сама подалась навстречу нетерпеливым губам.

Он отпустил мое лицо – и горячие ладони скользнули по моей спине, огладили ее, нежно спустились вниз, и я тихо взвизгнула, когда дракон подхватил меня на руки, и, в два шага достигнув постели, опустил меня на незатейливое студенческое покрывало. Навис надо мной, замер, опершись коленом на кровать, жадно любуясь мной, пожирая взглядом – и волосы цвета бронзы водопадом стекли с его плеча.

Надо же, а я и не заметила, когда успела расплести его косу.

Да и мои собственные волосы сбились кольцами вокруг головы, освободившись от плена ленты неведомо когда.

Я потянулась пальцами к его лицу – и замершее было время понеслось вскачь, а томительная неподвижность взорвалась движениями, касаниями, поцелуями...

Я судорожно стаскивала с Эйнара рубашку, больше обрывая маленькие пуговицы, чем расстегивая, а он ничем не помогал мне, слишком занятый моей грудью – целовал, ласкал, покусывал нежную плоть, растянув ворот белой блузы, и плотный корсаж не был ему помехой.

Ощущения были непередаваемые – ласковые губы и грубая щетина, легкие укусы... В голове звенело, воздуха не хватало, и когда по нежной коже полуобнаженного полушария прошелся шершавый язык, я выгнулась навстречу этому движению дугой, со всхлипом вцепившись в твердые плечи, не зная, что именно пытаюсь сделать – остановить или притянуть к себе.

С задавленным рыком – ответом на мой всхлип – дракон рывком поднял меня с кровати, и усадил к себе на колени, желтые, янтарные, медовые глаза, расчеркнутые дышащим веретеном зрачка, встретились с моими карими, он обвил руками мою спину, подхватил под ягодицы, и вдруг оказалось, что я – маленькая-маленькая рядом с ним, и полностью умещаюсь в его объятиях, вписываюсь в них, как когда-то потерявшееся стеклышко из огромного витража, и вот наконец-то нашлась, и только здесь мне и место...

Дракон неспешно опустил темные ресницы, разрывая единение взглядов, медленно склоняясь к моим губам, точно спрашивая разрешения, словно не он только что целовал мое тело как тот, кому позволено всё... И я тихонько вздохнула, и потянулась к нему сама, обвивая руками его шею, соглашаясь и давая разрешение.

Теплые, твердые губы по-хозяйски накрыли мой рот. Неторопливо. Уверенно. С полным осознанием своей власти. Силы.

У тебя нет хозяев, Тереса Ривад, напомнила я себе, ты сама себе владетель! А в животе сладко екнуло от неожиданного ощущения.

Эйнар неспешно провел руками по моему телу – от поясницы вверх, с силой прижимая ладони, с удовольствием осязая меня сквозь одежду, и не думая таить это удовольствие. По лопаткам, плечам – к предплечьям, и на предплечьях сомкнул пальцы стальными капканами, потянул меня на себя – и я покорно подалась вперед, прогибаясь в талии. Нежное, беззащитное женское местечко между ног прижалось к твердому и набухшему мужскому, и вверх от средоточия женственности к груди стрельнула короткая молния, прошив мимолетным удовольствием, пересушив губы. Я быстро облизнула их, и поймала короткий драконий взгляд, и его рот снова нашел мои губы, а руки с предплечий скользнули к локтям, талии – и как-то неожиданно ладони оказались под блузкой, плотно стянутой корсажем.

Касание грубых ладоней к разгоряченной коже отозвалось еще одним всплеском удовольствия, заставившего охнуть в целующие губы, выгнуться и замереть встревоженным зверьком.

Эйнар провел языком по моей верхней губе, прихватил зубами нижнюю – и тут же отпустил, прокладывая цепочку жгучих поцелуев по моей шее, рисуя языком линии и петли, и

одновременно потирая ладонями кожу под блузкой – по нижним ребрам, большими пальцами по животу, поглаживая выемку пупка... Заставляя жалобно всхлипывать, покачиваться в легком пьянящем ритме, чувствовать, как моя промежность соприкасается с налитой твердой плотью сквозь слои одежды.

Эти ощущения словно сковали мою волю, лишили инициативы, утягивая в тягучую негу, где есть только неподвижность и томительное удовольствие.

Когда руки дракона вынырнули из-под блузки, и принялись распускать шнуровку корсажа, я очнулась. И к тому моменту, когда с меня стянули блузку, вспомнила, что у меня тоже есть руки, а у дракона – рубашка.

Время медленной нежности прошло – теперь во мне зарождалось нетерпение, клокотало в груди, прорывалось нетерпеливым рычанием... Я не понимала толком, куда спешила, но нацелованными губами, ставшей невероятно чувствительной кожей, ноющей в томительном предчувствии грудью, томительным, пульсирующим узлом внизу живота знала, что мне туда надо! Скорее, скорей! Немедленно!

Устав сражаться с неподатливыми пуговицами, я просто дернула плотную ткань, выдергивая ее из-под ремня, содрала ее, недорасстегнутую, через драконью голову, под протестующий треск, и отбросила в сторону, тут же забыв о ней, жадно уставившись на широкую литую грудь с тяжёлыми мышцами, плоскими темными сосками, на уходящую вниз от пупка, под ремень с фигурной пряжкой, дорожку темных волос. С трудом оторвав голодный взгляд от упоительного тела, подняла глаза выше, встретив такой же голодный взгляд – и в следующий миг оказалась на спине, бешено извивающейся, чтобы помочь дракону стащить с себя юбку.

Она улетела куда-то в сторону письменного стола, и тяжелое тело, на котором из одежды остались одни штаны, прижало к постели мое, полностью нагое. Руки, губы, язык Эйнара были, кажется, везде – гладили бедра, целовали грудь, ласкали соски, я бешено извивалась, стараясь прижаться к нему ближе, больше, горячее, тело к телу, кожа к коже, сильнее, ярче, еще! Гладя широкую спину, путаясь пальцами в волосах – длинных, темных, тяжелых... И когда несколько прядей этих волос упали на мою грудь, щекотнув кончиками кожу, задев сосок, я вдруг и разом лишилась разума, и вцепилась ногтями во влажную кожу, выгнулась, рыча, вдавливая себя в его тело, кусая близкое, незащитное горло губами, языком чувствуя мужской сладостный стон.

Щелкнула пряжка ремня, Эйнар приподнялся, снимая штаны, гася мой разочарованный стон поцелуем, а в следующий миг снова придавил меня к постели своим благословенным, необходимым весом, и мужская плоть вошла в меня одним ударом, рывком, до упора.

Дракон замер, и я не шевелилась, прислушиваясь к этому теперь знакомому – и все равно новому ощущению. Заполненности. Уместности. Когда внизу, внутри меня тесно, и горячо, и так упоительно-необходимо...

А потом Эйнар начал двигаться, и я отвечала, принимая все ускоряющиеся толчки, и весь мир сузился до моих ощущений, рождавшихся от того, что жаркая тугая плоть скользит во мне, и яростные рывки рождали такое же свирепое наслаждение, и оно прибывало, росло, быстрее, и быстрее, и быстрее, пока вдруг замерло на пике сладким мгновением – и взорвалось ослепительно-яркими спазмами...

Эйнар замер, переживая мою кульминацию, дожидаясь, пока мир перестанет крутиться вокруг меня. Поймал мой взгляд – и в несколько быстрых, резких движений догнал меня, извергнувшись горячими пульсирующими толчками.

Когда тяжелое, горячее тело, практически полностью навалилось на меня, я и не подумала протестовать. Тяжело, да – но эта приятная тяжесть была из разряда тех, что не хочется с себя спихивать. Я вздохнула, и провела ласково ладонями по широкой влажной спине, зарылась пальцами в волосы. Огладила могучие плечи. Положила ладошки на грудь – снова изумляясь масштабам. Дракон, кажется, принял это за попытку вырваться – и перекатился на бок, под мой протестующий вскрик:

– Эй! Холодно!

Мерзкий ящер издал звук, подозрительно напоминающий смешок, и вместо того, чтобы вернуть девушке ее одеялко (тяжелое, зато с подогревом!), провел ладонью вдоль моего тела. Мелкие искорки бытовых чар в огненном исполнении очистили и просушили.

Ну, так еще более-менее – хотя лучше бы просто сделал, как было, подумала я, и завозилась, пытаюсь устроиться удобнее на сбитых простынях. Брыкнула ногой, спихивая на пол невесть как оказавшуюся под ногами подушку. Или это мы лежим ногами в изголовье?.. Я повертела головой, сориентировалась в пространстве, убедившись, что мы лежим правильно, это подушка в корне не права, и снова откинулась на простыни. Дракон, кажется, уже пришедший в себя, с интересом наблюдал за моей возней.

– Как вы? – ласковый вопрос Эйнара разбудил нешуточный интерес.

А действительно, как я?

Хм. В потоки сил в этот раз не проваливалась, изменения уровня потенциала не чувствую (да и то – не каждый же раз, в самом деле, жирновато будет!). Выходит, я нормально?

– Пить хочу, – сообщила я дракону, развалившемуся на боку и с удовольствием меня разглядывающему, попутно попытавшись вытащить из-под него одеяло, прикрыться. – И одеяло!

– Зачем? – невинно хмыкнул ректор, – Здесь жарко!

Я фыркнула в ответ – и сползла с кровати, хотя была уверена, что мне ни за что не хватит на это сил. Их хватило даже на то, чтобы добыть из шкафа чистую блузу, прикрывшую меня до середины бедра. По зрелом размышлении, юбку я решила не надевать, все же перебор, зато, раз уж все равно встала – то решила заодно перестелить и очистить постель, с мстительным удовольствием согнав с нее дракона. А нечего было мне одеяло жалеть!

И только после этого уселась на кровати, подоткнув под спину отловленную беглую подушку. Эйнар, бесстыдно развалившийся на постели сразу же, как только я закончила стелить постельное белье, поймал мой укоризненный взгляд, и ухмыльнулся. У меня в животе, там, где после недавней любви разлилось сытое довольство, сладко и тревожно екнуло.

Захотелось пнуть его ногой и спихнуть с кровати – но, к сожалению, после всех моих перемещений, дракон лежал возле стены. Я разочарованно вздохнула.

Эйнар понимающе хмыкнул и сел в постели – а потом протянув руку, достал из воздуха пару бокалов и вручил их мне, а сам встал с кровати и подхватил лежащие на полу штаны.

Усевшись повыше, я с неприкрытым интересом уставилась дракона, который, одеваясь, повернулся ко мне филейной частью – видимо щадя мою стыдливость. Зрелище открылось... завораживающее. Вцепившись в ножки несчастных бокалов, я напрочь позабыла, что хотела пить. Что там – пить, я и дышать, кажется, позабыла.

– Что вы на меня так выжидательно смотрите? – подозрительно уточнил ректор, поворачиваясь ко мне лицом и застегивая ремень с массивной фигурной бляхой.

– Жду, откуда вы вино доставать будете! – доверительно сообщила я, будто вовсе и не пялилась только что на драконий зад.

Ректор расхохотался, и достал глиняную бутылку с опечатанным горлом оттуда же, откуда и бокалы – из воздуха.

Ну вот! А мог бы оригинальность проявить!

Густая красная жидкость полилась в бокалы, дракон провел ладонью, и в воздухе возле меня, сантиметрах в тридцати над кроватью, появилась светящаяся, прозрачно-синяя полоса. Эйнар поставил на нее бутылку и свой бокал, небрежно, бедром, подвинул меня с пригретого места к стене, и хозяйски расположился на моей постели.

Рубашкой он пренебрег, и выглядели мы с ним так, будто нам на двоих достался один комплект одежды, и тот не полный. Как смогли – так и поделили.

С удовольствием вдохнув запах старого вина, я пригубила его и, припомнив недавно изученный устав, ехидно сообщила:

– А алкоголь в Академии семи ветров запрещен! – но бокал, на всякий случай, взяла в обе ладони, покрепче – чтобы вредный дракон, если вдруг что, так просто не отобрал.

– В академии много чего запрещено. Например, вламываться в преподавательские купальни, – коварно обманул мои ожидания вредный дракон, тоже смакующий вино из своего бокала.

– Запирать надо нормально! – тут же взвилась я.

– Они были закрыты заклинанием. Стыдитесь, адептка Тереса, приличные учащиеся взламывают преподавательские купальни не раньше третьего курса!

Я давилась смехом, пытаясь спрятать его в бокале, а дракон, посмеиваясь, пристроил вино на импровизированную полку, соединил вместе пригоршни и принялся что-то нашептывать пустоте внутри.

– Она не развеется? – опасливо уточнила я, скептически изучая прозрачную полосу.

– Не-а, – легкомысленно отозвался серьезный, взрослый мужчина, целый ректор академии (тоже, как ни странно, пока целой), и чуть приоткрыл ладони.

Из них выпорхнула крохотная сияющая птичка – яркая, как южный цветок, переливающаяся, как драгоценный камень. Зависла в воздухе, часто-часто маша крылышками, и сорвалась с места, когда я, замороженная нежным чудом, протянула к ней руку. Я проводила птаху взглядом – и озадаченно замерла, изучая стены моей комнаты. Точнее, то, во что они превратились. Их почти не было видно под тугими лозами зеленых лиан, поросших нежными орхидеями, бело-розовыми с яркими алыми каплями на лепестках, с пышными розетками свисающих вниз белых воздушных корней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.